

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-111-119

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

ЧЕРЕДНИЧЕНКО Александра Владимировна,
студент 1 курса направления «юриспруденция» (40.04.01)
образовательной программы «Российская уголовная юстиция»
юридического института Национального исследовательского
Томского государственного университета, г. Томск,
e-mail: cerednicenkosasha05@gmail.com

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: КРИТЕРИИ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления злоупотребления правом на защиту и определению допустимых пределов процессуального реагирования на недобросовестное поведение стороны защиты. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в УПК РФ общего определения злоупотребления процессуальным правом при одновременном признании Верховным и Конституционным судами возможности ограничивать отдельные правомочия при их явно недобросовестном использовании. Цель работы состоит в разработке проверяемых критериев, позволяющих отличить злоупотребление от активной и добросовестной защиты, и в систематизации мер реагирования, допустимых без умаления существа конституционного права на защиту. Проанализированы действующие положения УПК РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 в редакции 2025 г., правовые позиции Конституционного Суда РФ, современная научная литература и судебная практика 2024–2026 гг. Предложена двухступенчатая модель оценки: установление совокупности признаков недобросовестного осуществления конкретного процессуального правомочия и выбор минимально необходимой меры реагирования.

Ключевые слова: право на защиту, злоупотребление правом, недобросовестное процессуальное поведение, сторона защиты, ознакомление с материалами уголовного дела, защитник, разумный срок, процессуальное реагирование.

CHEREDNICHENKO Alexandra Vladimirovna,
1st year law student (40.04.01) of the educational program "Russian
Criminal Justice" of the Law Institute of the National Research Tomsk
State University, Tomsk

ABUSE OF THE RIGHT TO PROTECTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CRITERIA FOR IDENTIFICATION AND THE LIMITS OF PROCEDURAL RESPONSE

Annotation. The article is devoted to the problem of identifying abuse of the right to defense and determining the permissible limits of procedural response to the unscrupulous behavior of the defense party. The relevance of the study is due to the absence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of a general definition of abuse of procedural rights, while at the same time recognizing by the Supreme and Constitutional Courts the possibility of restricting certain powers in cases of their clearly unscrupulous use. The aim of the work is to develop verifiable criteria that make it possible to distinguish abuse from active and conscientious defense, and to systematize the response measures that are permissible without diminishing the essence of the constitutional right to defense. The current provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Resolution No. 29 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 30, 2015, as amended in 2025, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, modern scientific literature, and judicial practice from 2024–2026 have been analysed. A two-stage assessment model is proposed: the establishment of a set of signs of unfair exercise of a specific procedural authority and the selection of the minimum necessary response measure.

Key words: the right to defense, abuse of law, unfair procedural behavior, the defense, familiarization with the materials of the criminal case, defender, reasonable time, procedural response.

Право на защиту является одним из базовых принципов российского уголовного судопроизводства. Оно охватывает как профессиональную юридическую помощь, так и возможность обвиняемого лично использовать все не запрещенные законом способы и средства защиты. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 в действующей редакции прямо связывает обеспечение права на защиту со справедливостью всего производства и перечисляет широкий круг правомочий: представление доказательств, заявление ходатайств и отводов, обжалование процессуальных решений, ознакомление с материалами дела и участие в судебном разбирательстве [3].

Широта процессуальных гарантий одновременно порождает вопрос о пределах их осуществления. УПК РФ не содержит общей дефиниции злоупотребления процессуальным правом и не закрепляет универсальную санкцию за недобросовестное использование правомочий защиты. Вместе с тем п. 18 Постановления Пленума № 29 допускает ситуацию, когда суд не признает право на защиту нарушенным, если ограничение отдельного правомочия вызвано его явно недобросовестным использованием в ущерб интересам других участников процесса [3]. Конституционный Суд РФ также исходит из допустимости противодействия злоупотреблению, способному дезорганизовать производство, однако требует, чтобы соответствующий вывод был фактически обоснован и мотивирован [4].

То есть в правоприменении фактически существует категория, не получившая общего законодательного оформления. С одной стороны, отсутствие механизмов противодействия позволяет использовать процессуальные гарантии не для защиты от обвинения, а для искусственного затягивания производства. С другой стороны, слишком свободное усмотрение при признании поведения злоупотреблением способно превратить активную позицию защиты в основание для ограничения фундаментального права.

Проблема активно обсуждается в современной литературе. С.А. Аргуняня связывает допустимые средства воздействия с сочетанием правовой определенности и минимизации усмотрения правоприменителя [19, с. 11]. Д.В. Долгополов на материале ознакомления с уголовным делом показывает отсутствие универсальных критериев «явного затягивания» и необходимость оценки совокупности обстоятельств [20, с. 72]. Е.А. Крупичка рассматривает злоупотребление процессуальными механизмами как способ противодействия расследованию и предлагает нормативные меры против систематических недобросовестных действий [21, с. 95]. С.Ю. Туров обращает внимание на процессуаль-

ные манипуляции отводом и отказом от защитника [22, с. 19]. В 2026 г. О.В. Химичева вновь поставила вопрос о нормативной регламентации признаков злоупотребления и способов его преодоления в контексте развития процессуальных гарантий [18, с. 187].

При этом научная дискуссия часто сосредоточена либо на определении самого понятия, либо на отдельных формах злоупотребления. Менее разработанным остается вопрос о единой методике его выявления и о пределах допустимой реакции государства. Именно отсутствие связи между критериями констатации недобросовестности и конкретными правовыми последствиями создает риск несоразмерного ограничения защиты.

Цель настоящей статьи – сформулировать систему критериев выявления злоупотребления правом на защиту и определить пределы процессуального реагирования. Для достижения цели исследуются нормативные основания противодействия злоупотреблению, современная судебная и дисциплинарная практика, прежде всего по вопросам ознакомления с материалами дела и участия защитника.

Изначальная трудность состоит в том, что злоупотребление возникает не вне права, а при его осуществлении. В фундаментальных исследованиях О.И. Даровских оно связывается с реализацией предоставленного процессуального правомочия вопреки его смыслу и назначению, причиняющей либо способной причинить негативные последствия [23, с. 8]. Близкая конструкция представлена в работах О.И. Андреевой и О.В. Желевой: значение имеют наличие конкретного права, его фактическое осуществление, противоречие назначению соответствующего правомочия и возможность причинения вреда другим участникам либо публичным интересам [24, с. 117].

Однако для правоприменения недостаточно указать на «несоответствие назначению» права. Цель защиты по природе является односторонней: обвиняемый не обязан содействовать обвинению или ускорять производство за счет отказа от собственных гарантий. Поэтому медленный темп работы, многочисленные ходатайства либо смена защитительной тактики сами по себе не подтверждают недобросовестность.

Необходимо различать признаки, без которых категория злоупотребления вообще неприемлема, и индикаторы, которые лишь позволяют предположить недобросовестную направленность. К обязательным признакам относятся: наличие у лица конкретного процессуального правомочия; фактическое осуществление именно этого правомочия; отсутствие прямого нарушения запрета, которое переводило бы поведение в самостоятельное правонарушение; использова-

ние права вопреки его защитительной функции; возникновение либо реальная угроза негативных процессуальных последствий для иных участников или нормального движения дела.

Индикаторами злоупотребления могут быть повторяемость поведения, отсутствие разумного объяснения, несоответствие между декларируемой необходимостью и фактическими действиями, отказ использовать реально предоставленные условия для реализации права, резкое изменение тактики непосредственно перед наступлением процессуального последствия, а также согласованность нескольких действий, каждое из которых в отдельности выглядит допустимым, но в совокупности формирует устойчивую модель затягивания.

Важным ограничителем является презумпция добросовестной реализации права на защиту. Вывод о злоупотреблении не должен основываться на предположении, что обвиняемый или адвокат «мог действовать быстрее» или избрал неудобную для органа расследования тактику. Необходимы конкретные факты, позволяющие отличить объективную сложность защиты от намеренного использования гарантии не по назначению. Эта логика соответствует позиции Конституционного Суда РФ: решение о непринятии отказа от назначенного защитника по мотиву злоупотребления должно быть обоснованным и мотивированным [4].

С учетом сказанного, под злоупотреблением правом на защиту в настоящей статье понимается умышленное использование обвиняемым либо защитником конкретного процессуального правомочия в формально допустимых пределах, но вопреки его защитительной функции, когда совокупность объективных обстоятельств свидетельствует о направленности такого поведения на создание необоснованных препятствий производству либо реализации прав других участников.

Наиболее разработанный законом механизм противодействия содержится в ч. 3 ст. 217 УПК РФ. Обвиняемый и его защитник не могут быть ограничены во времени ознакомления с делом, но при явном затягивании суд вправе установить определенный срок. Если после его истечения без уважительных причин ознакомление не завершено, следователь может окончить соответствующее процессуальное действие [2]. Для обвиняемого, не содержащегося под стражей и вовсе не являющегося для ознакомления без уважительных причин, ч. 5 ст. 215 УПК РФ предусматривает самостоятельный механизм – по истечении 5 суток следователь вправе составить обвинительное заключение и направить дело прокурору [2].

Судебная практика 2024–2026 гг. показывает, что понятие «явное затягивание» определя-

ется через совокупность фактов, а не через единый количественный норматив. Так, апелляционным постановлением от 8 апреля 2024 г. № 22-1826/2024 суд признал обоснованным ограничение срока, поскольку обвиняемый и защитник, имея возможность знакомиться с делом, не использовали ее без достаточных оснований; при этом отсутствие препятствий со стороны следствия имело самостоятельное значение [7].

В апелляционном постановлении от 8 июля 2024 г. № 22-3615/2024 суд учел продолжительные промежутки между посещениями, непродолжительное ежедневное ознакомление и отсутствие объективных причин, препятствующих более эффективному использованию предоставленного времени [8]. В постановлении от 22 июля 2024 г. № 22-3646/2024 дополнительным обстоятельством стало наличие у защиты фотокопий письменных материалов: сохранение позиции о фактическом ознакомлении лишь с частью томов при наличии их копий суд расценил как подтверждение намеренного затягивания [9].

Практика 2025 г. сохраняет этот подход. Пермский краевой суд в апелляционном постановлении от 3 апреля 2025 г. № 22-1546/2025 проанализировал не только число изученных томов, но и фактически использованное время: обвиняемый и защитник являлись не во все рабочие дни, проводили у материалов непродолжительное время и не обращались с просьбой предоставить иные периоды для ознакомления. Суд признал такую совокупность обстоятельств злоупотреблением и явным затягиванием, одновременно оценив объем и сложность дела [10].

В 2026 г. критерии получили дальнейшее развитие. Московский городской суд в апелляционном постановлении от 15 апреля 2026 г. по делу № 10-4416/2026 указал на систематические неявки обвиняемой и защитника либо их отказ от ознакомления при наличии предоставленной возможности и признал вывод о злоупотреблении обоснованным [11]. Апелляционное постановление от 26 января 2026 г. № 22К-2202/2025 (22К-81/2026) учитывает сочетание большого общего объема дела с 56 неявками обвиняемого без уважительных причин, непродолжительностью каждого ознакомления и аналогичной моделью поведения защитника [12]. В постановлении от 10 февраля 2026 г. № 22К-91/2026 суд дополнительно сослался на последовательные отказы обвиняемой продолжать ознакомление и неявку защитника после изучения лишь части 94-томного дела, хотя стороне были предоставлены в том числе скан-копии материалов [13].

Высший судебный ориентир сформулирован в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025). В пункте 43 отмечено, что ограничение дополнительного ознакомления после

постановления приговора допустимо, если лицо явно затягивает процесс; при оценке суд учитывает объем оставшихся материалов, документы, копии которых уже вручались, и время, предоставившееся ранее. В рассмотренном примере осужденная неоднократно получала возможность знакомиться с делом на разных этапах, и продолжительное повторное изучение было признано достаточным основанием для установления срока [14].

Из этого массива практики можно вывести важный критерий: темп ознакомления не оценивается изолированно. Значение имеет соотношение четырех факторов – объективной возможности знакомиться, фактически использованного времени, объема, сложности материалов и наличия объяснимых причин перерывов либо отказов. Само по себе медленное чтение не должно превращаться в презумпцию злоупотребления, что справедливо отмечается и в современной научной литературе [20, с. 73].

Злоупотребление не ограничивается ознакомлением с делом. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П рассмотрел ситуацию, когда отказ от назначенного защитника при наличии адвоката по соглашению используется как элемент поведения, дезорганизующего производство. Суд допустил принятие такого отказа при наличии установленных признаков злоупотребления, одновременно подчеркнув исключительный характер меры и обязанность мотивировать решение [4].

Актуальная практика показывает, что проблема сохраняется. В кассационном постановлении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2025 г. по делу № 7У-8263/2024 суд согласился с оценкой неявки защитника как явно недобросовестного использования правомочий: адвокат знал о сроках давности и судебном заседании, однако не явился, не сообщил убедительных причин, а медицинские сведения не подтверждали невозможность участия [6]. Значение здесь имеет не сама неявка, а контекст, позволяющий установить дезорганизующую направленность поведения.

Практика адвокатского сообщества одновременно показывает необходимость осторожной оценки. В обзоре дисциплинарной практики Адвокатской палаты Ивановской области за 2025 г. болезнь адвоката была признана уважительной причиной неявки, поскольку обратное не подтверждалось доказательствами; дисциплинарное нарушение усмотрено не в самой неявке, а в несвоевременном уведомлении суда [16]. Этот пример полезен для разграничения: одинаковый внешний факт – отсутствие защитника – может быть либо объективно оправданным, либо элементом злоупотребления в зависимости от дока-

занных обстоятельств.

Отдельная проблема связана с неоднократными ходатайствами и отводами. Действующая ч. 2 ст. 120 УПК РФ прямо предусматривает, что отклонение ходатайства не лишает заявителя права заявить его вновь [2]. Поэтому само повторение ходатайства не может автоматически служить основанием для отказа в его принятии или применения санкции. С.Ю. Туров справедливо связывает уязвимость института отвода с отсутствием детальной регламентации и предлагает специальные законодательные решения для повторных идентичных заявлений [22, с. 200]. До внесения таких изменений правоприменитель обязан отделять повторное использование права, основанное на новых обстоятельствах или иной стадии процесса, от механического воспроизведения доводов исключительно для срыва заседания.

Дисциплинарная практика также подтверждает, что профессиональный статус защитника вводит дополнительный стандарт добросовестности. Статья 7 Федерального закона об адвокатуре требует от адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права доверителя всеми не запрещенными средствами [5]. Следовательно, один и тот же эпизод может повлечь различные правовые последствия: процессуальную реакцию суда и, при наличии оснований, дисциплинарную оценку адвокатской палаты. Однако дисциплинарная ответственность не должна использоваться как средство давления за активную защитительную позицию; её предметом является нарушение профессиональной обязанности, а не несогласие адвоката с обвинением или судом.

Анализ законодательства, доктрины и практики позволяет предложить двухступенчатую модель, в которой вывод о злоупотреблении предшествует выбору правового последствия и не подменяется им.

На первой ступени устанавливается сам факт недобросовестного осуществления права. Для этого целесообразно последовательно проверить следующие обстоятельства.

Первое – наличие конкретного процессуального правомочия. Злоупотреблять можно только тем правом, которым субъект действительно наделен. Если поведение изначально запрещено законом, вопрос должен решаться как нарушение обязанности или запрета, а не как злоупотребление правом.

Второе – реальность предоставленной возможности воспользоваться правом добросовестно. Нельзя признавать затягиванием неявку для ознакомления, если следствие фактически не обеспечило доступ к материалам, не согласовало разумное время или создало иные объективные препятствия. Именно поэтому суды исследуют

графики, уведомления, объем материалов и организацию доступа [7-13].

Третье – наличие устойчивых объективных индикаторов недобросовестности. Один эпизод, как правило, недостаточен, если он допускает разумное объяснение. Напротив, систематические неявки без объяснений, неоднократные отказы от продолжения действия, минимальное использование доступного времени при декларировании необходимости длительного срока, последовательная смена защитительной тактики непосредственно перед процессуальным последствием могут в совокупности подтверждать злоупотребление.

Четвертое – отсутствие объективной причины, оправдывающей поведение. Болезнь, сложность дела, необходимость привлечения специалиста, значительный объем технической документации, занятость защитника в другом процессе и иные обстоятельства подлежат индивидуальной оценке. Наличие такого объяснения не исключает дальнейшей проверки, но запрещает формальный вывод о недобросовестности только по статистике посещений.

Пятое – несоответствие модели поведения защитительной функции реализуемого права. Этот критерий не означает оценки «правильности» избранной тактики. Проверяется более узкий вопрос: используется ли правомочие для подготовки и осуществления защиты либо фактически только как инструмент, создающий препятствие нормальному процессу без разумной связи с интересом обвиняемого.

Шестое – объективный процессуальный эффект: причинение либо реальная угроза причинения вреда правам других участников, разумному сроку, нормальному ходу следственного действия или судебного разбирательства. Пункт 18 Постановления Пленума № 29 прямо связывает явно недобросовестное использование правомочий с ущербом интересам других участников [3].

Седьмое – доказанность умышленного характера поведения. Намерение редко устанавливается прямыми доказательствами и выводится из совокупности объективных обстоятельств. Однако формула «сторона могла действовать быстрее» для этого недостаточна. Чем существеннее предполагаемое ограничение права на защиту, тем выше должен быть стандарт фактической мотивировки.

Вторая ступень модели начинается только после установления конкретной формы злоупотребления. Основной принцип состоит в том, что реакция не должна приобретать характер общей санкции за «неудобное» поведение стороны защиты. УПК РФ предусматривает набор специальных инструментов, каждый из которых имеет собственное основание и пределы.

При явном затягивании ознакомления применяется ч. 3 ст. 217 УПК РФ: суд устанавливает определенный срок, а после его истечения следователь при наличии предусмотренных условий завершает действие [2]. При неявке не содержащегося под стражей обвиняемого для начала ознакомления действует иной механизм ч. 5 ст. 215 УПК РФ [2]. Эти нормы не должны подменять друг друга, поскольку регулируют различные фактические ситуации.

При злоупотреблениях, связанных с выбором и отказом от защитника, применяются специальные положения ст. 50 и 52 УПК РФ с учетом конституционно-правового смысла, выявленного в Постановлении № 28-П. Назначение защитника при наличии адвоката по соглашению допустимо лишь как исключительная мера при доказанной дезорганизации процесса и не должно устранять приглашенного защитника из дела [4]. В судебном заседании ст. 258 УПК РФ предусматривает предупреждение, удаление участника или отключение от видео-конференц-связи, а также денежное взыскание в предусмотренных законом случаях; при неподчинении защитника распоряжениям председательствующего возможно отложение дела и сообщение в адвокатскую палату [2]. Эти меры направлены именно на поддержание порядка, а не на наказание за процессуальную активность.

Особенно важно правильно понимать пределы ст. 117 УПК РФ. Денежное взыскание допускается при неисполнении процессуальных обязанностей, предусмотренных Кодексом, либо при нарушении порядка судебного заседания [2]. Следовательно, данная статья в действующей редакции не является универсальной санкцией за любое злоупотребление правом на защиту. Распространение денежного взыскания на иные формы недобросовестного поведения возможно только при прямом законодательном закреплении соответствующего основания.

Не менее осторожно следует подходить к повторным ходатайствам. Поскольку ст. 120 УПК РФ прямо сохраняет право вновь заявить отклоненное ходатайство, действующее законодательство не позволяет установить общий запрет на их повторную подачу [2]. Если в будущем законодатель сочтет необходимым ввести механизм противодействия идентичным заявлениям, он должен содержать обязательное исключение для новых фактических или правовых оснований и предусматривать мотивированное решение.

Из действующего регулирования и судебных позиций можно вывести пять пределов процессуального реагирования. Во-первых, законность: мера должна иметь прямое основание в УПК РФ либо ином применимом законе. Во-вторых, целевая связь: применяемая мера

должна пресекать именно установленную форму злоупотребления. В-третьих, минимальная достаточность: из нескольких возможных средств выбирается то, которое в наименьшей степени ограничивает право на защиту. В-четвертых, мотивированность: решение должно содержать конкретные факты, а не общую ссылку на затягивание. В-пятых, сохранение существа права: даже признание злоупотребления не лишает обвиняемого возможности защищаться и пользоваться иными законными правомочиями.

Таким образом, допустимая процессуальная реакция носит восстановительно-пресекательный, а не карательный характер. Ее задача состоит в устранении препятствий нормальному ходу процесса и восстановлении баланса прав участников, не превращая категорию злоупотребления в инструмент дисциплинирования стороны защиты.

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько выводов.

Во-первых, злоупотребление правом на защиту следует устанавливать не по отдельному формальному признаку – числу ходатайств, длительности ознакомления или факту неявки, а на основе совокупности объективных обстоятельств. Центральными являются наличие реальной возможности добросовестно реализовать право, отсутствие объективно оправдывающей причины, системность поведения, его несоответствие защитительной функции и объективный негативный процессуальный эффект.

Во-вторых, критерии выявления злоупотребления и меры реагирования должны быть юридически разделены. Недопустимо сначала выбирать желаемое ограничение, а затем обосновывать его общим утверждением о недобросовестности. Сначала устанавливается злоупотребление конкретным правом, затем определяется специальная норма, позволяющая на него реагировать.

В-третьих, существующая система УПК РФ уже содержит ряд точечных механизмов: ч. 5 ст. 215, ч. 3 ст. 217, ст. 50 и 52 с учетом Постановления Конституционного Суда № 28-П, ст. 117–118, 258 УПК РФ. Основной пробел заключается не в полном отсутствии реакции, а в отсутствии общих критериев, которые связывали бы эти механизмы единым стандартом оценки.

В-четвертых, представляется целесообразным дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 специальным разъяснением о критериях явно недобросовестного использования правомочий. В разъяснении следует указать на необходимость оценки: фактически предоставленных условий реализации права; объективных причин поведения; его системности; связи с защитительной функцией; влияния на пра-

ва других участников и разумный срок; а также обязательность мотивированного выбора минимально необходимой меры.

В-пятых, законодательное закрепление общего понятия злоупотребления возможно, но само по себе не решит проблему и может расширить усмотрение. Если соответствующая дефиниция будет введена в ст. 5 УПК РФ, она должна сопровождаться оговоркой, что активное использование предусмотренных законом способов защиты не является злоупотреблением без установления совокупности объективных признаков недобросовестности. Более безопасным первым шагом представляется развитие разъяснений Верховного Суда и специальных процедурных норм.

Предлагаемая двухступенчатая модель позволяет совместить защиту разумного срока и прав других участников с конституционной обязанностью государства обеспечивать эффективную защиту обвиняемого. Она также снижает риск подмены категории «злоупотребление» субъективной оценкой неудобства защитительной позиции для суда или следствия.

Злоупотребление правом на защиту стало устойчивой категорией российской судебной практики, хотя УПК РФ по-прежнему не содержит его общего легального определения. Верховный Суд РФ допускает ограничение отдельных правомочий при их явно недобросовестном использовании, Конституционный Суд требует фактической обоснованности и мотивированности такого решения, а специальные нормы Кодекса предусматривают конкретные способы противодействия отдельным формам злоупотребления [2–4]. Наиболее развитая практика сформировалась по вопросам ознакомления с материалами уголовного дела. Решения 2024–2026 гг. показывают, что суды оценивают совокупность обстоятельств: доступность материалов, фактически использованное время, неявки и отказы, объем и сложность дела, наличие фотокопий и скан-копий, состояние здоровья и иные объективные причины [7–13]. Эта логика может быть использована как основа общего стандарта выявления недобросовестности. При этом категория злоупотребления не должна превращаться в средство ограничения активной защиты. Повторное ходатайство прямо допускается законом, заболевание может объективно объяснять неявку, а значительный объем или сложность материалов оправдывают продолжительное ознакомление. Поэтому необходима презумпция добросовестности, опровергаемая конкретными фактическими данными.

Процессуальное реагирование должно быть специальным, мотивированным и соразмерным. Его задача состоит не в наказании участника за неудобную тактику, а в прекращении конкретного недобросовестного использования права

при сохранении обвиняемому реальной возможности защищаться всеми иными законными способами. Закрепление такого подхода в разъяснениях Верховного Суда РФ способствовало бы единообразию практики и одновременно усилило бы гарантии от произвольного ограничения права на защиту.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.
- [2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 03.10.2026).
- [4] Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2019 № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329281/ (дата обращения: 04.10.2026).
- [5] Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024) // ст. 7 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.
- [6] Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2025 по делу № 7У-8263/2024 [77-45/2025-(77-3606/2024)] [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/344646811/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [7] Апелляционное постановление от 08.04.2024 № 22-1826/2024 по делу № 3/14-18/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9cHalwn3zmm1/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [8] Апелляционное постановление от 08.07.2024 № 22-3615/2024 по делу № 3/14-53/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GXxH0kLUzkUw/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [9] Апелляционное постановление от 22.07.2024 № 22-3646/2024 (22К-3646/2024) по делу № 3/14-107/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/j5bc0A9G0zJ3/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [10] Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 03.04.2025 № 22-1546/2025 по делу № 3/14-13/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jiZFAqcdoYNQ/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [11] Апелляционное постановление Московского городского суда от 15.04.2026 по делу № 10-4416/2026 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/470534690/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [12] Апелляционное постановление от 26.01.2026 № 22К-2202/2025, 22К-81/2026 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/crhuqOL05rrb/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [13] Апелляционное постановление от 10.02.2026 № 22К-91/2026 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CCOz1iSRN2b1/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [14] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025, п. 43 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411831564/> (дата обращения: 03.10.2026)..
- [15] Отчет о деятельности Комиссии по защите профессиональных прав адвокатов Адвокатской палаты Ростовской области за 2025 год [Электронный ресурс]. URL: <https://apro.fparf.ru/documents/chamber/dokumenty-apro/otchety-i-zaklyucheniya/otchet-o-deyatelnosti-komissii-po-zashchite-professionalnykh-prav-advokatov-apro-za-2025-god/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [16] Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Ивановской области за 2025 год [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/obzor-distsiplinarnoy-praktiki-advokatskoy-palaty-ivanovskoy-oblasti-za-2025-god/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [17] Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2023–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/doc/print/15524/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [18] Химичева О.В. Злоупотребление правом как негативное следствие эволюции учения о процессуальных гарантиях в отечественном уголовном судопроизводстве // Правовое государство: теория и практика. 2026. Т. 22. № 1(83). С. 182–192. DOI: 10.33184/pravgos-2026.1.18..
- [19] Аргунян С.А. Злоупотребление процессуальными правами участниками уголовно-

го судопроизводства как проблема правоприменения // Уголовное судопроизводство. 2024: сборник научных трудов. С. 10–14 [Электронный ресурс]. URL: https://www.id-yug.com/images/id-yug/Book_id-yug/777-f.pdf (дата обращения: 03.10.2026).

[20] Долгополов Д.В. Злоупотребление правом при ознакомлении с материалами уголовного дела // Уголовный процесс. 2024. № 8 с. 70–73 [Электронный ресурс]. URL: <https://e.ugpr.ru/1095657> (дата обращения: 03.10.2026).

[21] Крупицкая Е.А. К вопросу о противодействии расследованию через злоупотребление процессуальными правами // Вестник экономики и права. 2025. № 100 с. 93–97 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/486202687/> (дата обращения: 03.10.2026).

[22] Туров С.Ю. Процессуальные «игры» в уголовном деле: злоупотребление правом на отвод защитника и его последствия // Мировой судья. 2025. № 12. С. 18–22. DOI: 10.18572/2072-4152-2025-12-18-22..

[23] Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2013. 211 с.

[24] Андреева О.И., Желева О.В. Злоупотребление обвиняемым субъективными правами и его преодоление в ходе предварительного расследования. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2019, 239 с.

[25] Баев О.Я., Баев М.О. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам: монография. М.: Проспект, 2014. 216 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended by 26.07.2026) [Electronic Resource] // ConsultantPlus: ref. legal system. Version Prof.

[3] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.06.2015 No. 29 (ed. 09.12.2025) "On the practice of the application by the courts of legislation ensuring the right to protection in criminal proceedings" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (access date: 03.10.2026).

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.07.2019 No. 28-P "In the case of checking the constitutionality of Articles 50 and 52 of the Criminal Procedure

Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen Yu.Yu. Kavalero" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329281/ (access date: 04.10.2026).

[5] Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ "On Advocacy and the Legal Profession in the Russian Federation" (as amended on 22.04.2024) // Art. 7 [Electronic Resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[6] Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of 16.01.2025 in case No. 7U-8263/2024 [77-45/2025- (77-3606/2024)] [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/344646811/> (access date: 03.10.2026).

[7] Appeal decision of 08.04.2024 No. 22-1826/2024 in case No. 3/14-18/2024 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9cHalwn3zmm1/> (access date: 03.10.2026).

[8] Appeal decision of 08.07.2024 No. 22-3615/2024 in case No. 3/14-53/2024 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GXxH0kLUzkUw/> (access date: 03.10.2026).

[9] Appeal decision of 22.07.2024 No. 22-3646/2024 (22K-3646/2024) in case No. 3/14-107/2024 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/j5bc0A9G0zJ3/> (access date: 03.10.2026).

[10] Appeal ruling of the Perm Regional Court of 03.04.2025 No. 22-1546/2025 in case No. 3/14-13/2025 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jiZFAqcdoYNQ/> (access date: 03.10.2026).

[11] Appeal ruling of the Moscow City Court of 15.04.2026 in case No. 10-4416/2026 [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/470534690/> (access date: 03.10.2026).

[12] Appeal decision of 26.01.2026 No. 22K-2202/2025, 22K-81/2026 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/crhuqOL05rrb/> (access date: 03.10.2026).

[13] Appeal decision of 10.02.2026 No. 22K-91/2026 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CCOz1iSRN2b1/> (access date: 03.10.2026).

[14] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2025), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 25.04.2025, paragraph 43 [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411831564/> (access date: 03.10.2026).

[15] Report on the activities of the Commission for the Protection of Professional Rights of Lawyers of the Rostov Region Bar Association for 2025 [Electronic Resource]. URL: <https://apro.fparf.ru/documents/chamber/dokumenty-apro/otchety-i-zaklyucheniya/otchet-o>

-deyatelnosti-komissii-po-zashchite-professionalnykh-prav-advokatov-apro-za-2025-god/ (дата обращения: 03.10.2026).

[16] Review of disciplinary practice of the Ivanovo Region Bar Association for 2025 [Electronic resource]. URL: <https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/obzor-distiplinarnoy-praktiki-advokatskoj-palaty-ivanovskoy-oblasti-za-2025-god/> (дата обращения: 03.10.2026).

[17] Review of the disciplinary practice of the Moscow Bar Association for 2023-2025 [Electronic resource]. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/doc/print/15524/> (access date: 03.10.2026).

[18] Khimicheva O.V. Abuse of law as a negative consequence of the evolution of the doctrine of procedural guarantees in domestic criminal proceedings // Rule of law: theory and practice. 2026. VOL. 22. № 1(83). S. 182-192. DOI: 10.33184/pravgos-2026.1.18..

[19] Argunyanyan S.A. Abuse of procedural rights by participants in criminal proceedings as a problem of law enforcement // Criminal proceedings. 2024: collection of scientific papers. P. 10-14 [Electronic resource]. URL: https://www.id-yug.com/images/id-yug/Book_id-yug/777-f.pdf (access date: 03.10.2026).

[20] Dolgoplov D.V. Abuse of law when familiarizing with the materials of a criminal case // Criminal process. 2024. No. 8 p. 70-73 [Electronic resource]. URL: <https://e.ugpr.ru/1095657> (accessed: 03.10.2026).

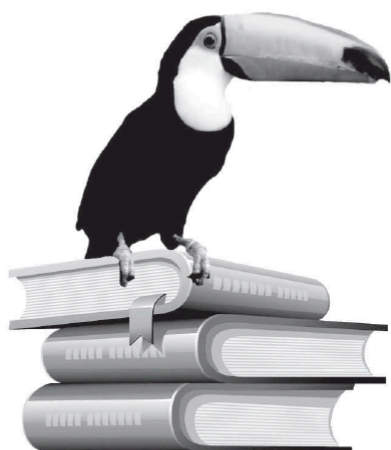
[21] Krupitskaya E.A. On the issue of counteracting the investigation through abuse of procedural rights // Bulletin of Economics and Law. 2025. No. 100 p. 93-97 [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/486202687/> (access date: 03.10.2026).

[22] Turov S.Yu. Procedural "games" in a criminal case: abuse of the right to challenge a defender and its consequences // Magistrate. 2025. № 12. S. 18-22. DOI: 10.18572/2072-4152-2025-12-18-22..

[23] Darovskikh O.I. Abuse of law in criminal proceedings in Russia: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.09. Chelyabinsk, 2013. 211 pp.

[24] Andreeva O.I., Zheleva O.V. Abuse of subjective rights by the accused and its overcoming during the preliminary investigation. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2019, 239 pp.

[25] Bayev O.Ya., Bayev M.O. Abuse of law in pre-trial criminal proceedings: monograph. M.: Prospect, 2014. 216 pp.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.